

Е. А. Никишина
Москва, Россия

E. A. Nikishina
Moscow, Russia

**ПИСЬМА-ОТРЕЧЕНИЯ КАК
ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СОВЕТСКОГО
ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ
ЧИТАТЕЛЕЙ В ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» И
«ИЗВЕСТИЯ» В 20-Е ГГ. XX ВЕКА)**

**LETTERS OF RECANTATION
AS A SPECIFIC FEATURE OF SOVIET
DISCOURSE (BASED ON READERS'
LETTERS TO "PRAVDA" AND "IZVESTIJA"
NEWSPAPERS IN 1920THS)**

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются письма читателей, опубликованные в советских газетах в 20-е гг. XX века, и, в частности, письма-отречения. Письма-отречения – это письма, в которых автор сообщает о своем выходе из той или иной небольшевистской политической партии. Лингвистический анализ писем-отречений, предложенный в данной статье, позволяет на примере отдельно взятого поджанра обозначить некоторые важные черты нового складывающегося советского дискурса.*

***Ключевые слова:** письмо в газету, советский дискурс, типовая интенция, композиция, тематическое содержание, языковые особенности, отречение, покаяние, клятва, агитация.*

***Abstract.** In the present article, I analyze one subtype of readers' letters, published in Soviet newspapers in 1920ths, namely, letters of recantation. By this term I mean letters where the author announces his or her resignation from a non-Bolshevist political party. The linguistic analysis of letters of recantation which is proposed in the article allows me to trace some important properties of the Soviet discourse which was only beginning to form in the period under analysis. **Key words:** readers' letters to newspapers, Soviet discourse, communicative purpose, composition, thematic content, subject, language properties, recantation, repentance, oath, agitation.*

***Сведения об авторе:** Никишина Елена Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель.*

Место работы: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва.

***E-mail:** helene_nikichina@mail.ru*

***About the author:** Nikishina Elena Andreevna, Ph.D. in Philology, lecturer.*

Place of employment: National Research University Higher School of Economics, Moscow.

В настоящей статье рассматриваются письма читателей, опубликованные в советских газетах в 20-е гг. XX века, и, в частности, письма-отречения. Письма-отречения – это письма, в которых автор сообщает о своем выходе из той или иной небольшевистской политической партии. Несомненно, появление этого жанра в советской прессе обусловлено специфической социокультурной ситуацией, сложившейся в Советской России после прихода к власти большевиков. В первые годы после революции в России по-прежнему существовало много партий: эсеры, меньшевики, анархисты, кадеты и т. п., но политическая ситуация в стране складывалась таким образом, что членство в любой партии, кроме РКП (б), воспринималось как проявление чуждости существующему строю и идеологии, граничащее с предательством, и, в связи с этим, стало опасным для человека (ср. знаменитый лозунг советских времен: «Кто не с нами, тот против нас»). В это время очень важно стало вовремя подтвердить свою лояльность по отношению к советской власти, вовремя во всеуслышание заявить: «Я с вами!» С этим и связан массовый выход из партий в 1920-е гг. и, как следствие, появление писем-отречений.

В настоящей работе предлагается лингвистический анализ писем-отречений, который позволяет на примере отдельно взятого поджанра обозначить некоторые важные черты нового складывающегося советского дискурса.

Материалом для данной статьи послужили 25 писем-отречений, опубликованных в 1920–1929 гг. в газетах «Правда» и «Известия» в рубрике «Письмо в редакцию». При этом следует отметить, что писем-отречений в эти годы было очень много, и, как мы покажем ниже, они были довольно сильно похожи между собой, что в полной мере позволяет нам экстраполировать полученные выводы на все письма-отречения.

Письма-отречения, наряду с письмами-просьбами, письмами-жалобами и т. п., являются одним из поджанров в рамках жанра «письмо в газету». Подробная классификация типов писем читателей в газеты (поджанров) приведена в [1].

Прежде чем перейти к анализу писем-отречений, необходимо сказать несколько слов о той «программе», по которой предлагается их описывать. В основе данной программы лежит объединение двух концепций речевого жанра М. М. Бахтина [2] и

А. Вежбицкой [3]¹. В соответствии с этой программой, каждый класс писем задается четырьмя параметрами: 1) типовая интенция (коммуникативное намерение автора письма); 2) композиция; 3) тема или содержание; 4) языковое воплощение. На описании приведенных четырех параметров и строится анализ писем-отречений, представленный в данной статье.

Письма-отречения рассматриваются как один из экспрессивных речевых жанров. К экспрессивным речевым жанрам мы относим такие речевые произведения, в которых на первое место выходит фигура адресанта сообщения. В письмах, относящихся к экспрессивам, тематическое содержание всегда касается непосредственно самого адресанта, а основной типовой интенцией при этом является выражение его мнения и эмоций по тому или иному поводу и / или сообщение какой-то новой информации, касающейся его самым непосредственным образом (на пример, способной изменить его статус).

Итак, опишем письма-отречения в соответствии с предложенной схемой.

Типовая интенция

Напомним, что письмами-отречениями мы называем письма, в которых автор сообщает о своем выходе из той или иной политической партии (небольшевистской). Между тем, в письмах-отречениях нередко представлены сразу четыре типовых интенции:

Сообщить о своем выходе из партии «небольшевиков» (отречение);

Признаться или покаяться в своей принадлежности к партии «небольшевиков», а значит, вместе с этим признаться или раскаяться в совершении каких-либо действий, не совпадающих с большевистской идеологией (покаяние);

Сообщить о своей солидарности с РКП (б) или о своем вступлении в РКП (б) (нередко в форме присяги или клятвы).

Призвать читателей газеты поступить так же, т. е. выйти из небольшевистской партии и «встать под знамена РКП (б)».

Таким образом, можно говорить, что в рассматриваемом поджанре совмещены элементы нескольких жанров, широко представленных в коммуникации: отречения, покаяния, присяги или клятвы и призыва.

Интенция «отречение» первостепенна по

отношению ко всем остальным, поскольку чаще всего именно к ней в разных комбинациях примыкают остальные три. Данная интенция и определила название рассматриваемого поджанра. В основном же в рамках одного письма совмещается сразу несколько интенций:

(1) *Я, Алексей Сергеевич Рябов, ранее состоявший в партии с.-д. р. партии (меньшевиков), выхожу из партии в виду расхождения моего во мнениях и убеждениях: жизнь показывает – надо строить социалистическое рабочее государство и соединиться в одну рабочую партию. Каждый честный и сознательный труженик должен работать на пользу Р. С. Ф. С. Р.*

Александровская ж. д., Александр Сергеевич Рябов. (П–08.07.1920).

В нашей выборке встретилось одно письмо, в котором две интенции «Сообщить о своем вступлении в РКП (б)» и «Призвать читателей газеты поступить так же» представлены эксплицитно, а интенция «отречение» – имплицитно, см. пример (2). Отречение, хотя и не выражено напрямую глаголами *выхожу из..., отрекаюсь...*, все же присутствует в тексте – оно выражено словом *бывший* (см. подпись):

(2) *Уважаемый тов. редактор!*

Прошу опубликовать в редактируемой вами газете нижеследующее мое заявление:

Смертью Владимира Ильича нанесен тяжкий удар делу революции. Невозвратимую потерю можно компенсировать только объединением и сплочением всех революционных сил. Считая проявление максимальной энергии в борьбе за освобождение труда теперь более необходимым, чем когда бы то ни было, я, подавая заявление о вступлении в РКП, призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии.

Б. анархо-синдикалист Н. Доленко (М. Чекерес). 22 января 1924 г. (И–21.02.1924).

Данное письмо является прекрасной иллюстрацией того, какое важное место в советском дискурсе занимали имплицитур.

Отречение предполагает, что действие еще актуально, то есть что автор письма совсем недавно вышел из партии и непосредственно после этого пишет об этом в газету. Тем самым акт отречения близок к перформативу, хотя не всегда является им в строгом смысле. Если человек пишет *я выхожу из партии*, это не значит, что данное письмо в газету является само по себе официальным актом выхода из партии, предполагается все же, что он предварительно

¹ Впервые возможность объединения двух подходов к трактовке речевых жанров – подхода М. М. Бахтина и А. Вежбицкой – обосновал С. И. Гиндин в [4].

оформил соответствующие документы и только потом сообщил об этом в газету. Напротив, если автор письма пишет *я отрекаюсь от партии*, это уже является перформативным актом, в том смысле, что автор отрекается от идеологии данной партии, но и в этом случае письмо в газету не приобретает статуса официального документа о выходе из партии. С перформативом сближает настоящее время глагола (то есть он уже вышел из партии, но настоящее время предполагает, что как бы ещё выходит, как будто часть выхода – сообщить в газету).

Интересно, что в некоторых письмах речевое действие, совершаемое автором, лишь условно может быть названо отречением, поскольку речь идет о давних событиях (см. пример (3)). В данном примере автор сообщает о том, что вышел из партии 6 лет назад, то есть в строгом смысле это просто письмо-сообщение. С прагматической точки зрения, это письмо кажется нелогичным, так как в нем сообщается о давних событиях как о чём-то, актуальном для читателя. И, тем не менее, по своей тематике оно, несомненно, является письмом-отречением. В данном случае актуальной информацией является не выход из антисоветской партии, а факт подтверждения лояльности автора к советской власти (ключевая фраза в этом письме: *К советской власти я отношусь вполне лояльно...*). Появление таких писем связано с тем, что в 20-е годы выход из партий стал общественно значимым и массовым явлением. Таким образом, действие, о котором сообщает автор, актуализировалось в связи с политической ситуацией в стране. Авторы таких писем хотели с их помощью лишний раз заявить или напомнить о своем положительном отношении к большевикам.

(3) *В целях устранения могущих возникнуть недоразумений относительно моих политических убеждений, прошу поместить на страницах в. газеты нижеследующее заявление:*

Я, нижеподписавшийся, с 1918 года в партии с.-р. не состою, уйдя из партии по идеологическим соображениям.

К советской власти я отношусь вполне лояльно и считаю, что борьба с советской властью может привести лишь к потере завоеваний революции.

Б. член партии с.-р. и бывш. гласный гор. думы А. Бешкарев. 5 мая 1924 г. (И-13.05.1924).

В этом примере дело ещё и в том, что именно этого автора, поскольку он бывший гласный думы, подозревали в плохом отношении к власти, а в новых политических условиях (смерть Ленина и приход к власти новых руководителей) он почувствовал не-

обходимость публично прояснить свои политические взгляды.

Все перечисленные интенции писем-отречений сближают рассматриваемый поджанр с письмами-заявлениями и ставят его в ряд экспрессивов. При этом письма-отречения даже еще в большей степени насыщены экспрессивными языковыми средствами, чем письма-заявления.

Автор письма-отречения сообщает адресату новую информацию о себе, в данном случае о своем выходе из партии и об отказе от идеологии, которую он ранее поддерживал, объясняя при этом причины своего ухода / отказа, таким образом он обозначает свою позицию. При этом автору письма представляется важным сделать то, о чем он сообщает, достоянием общественности: пребывание в любой партии, кроме РКП (б), в советском государстве могло быть опасным для самого автора, и автору хотелось своим публичным заявлением сформировать правильное общественное мнение о себе и предупредить все подозрения на предмет его политических убеждений. Несмотря на то, что рассматриваемое речевое действие наиболее точно описывается глаголом *заявлять 1*, входящим в синонимический ряд глаголов *сообщать 1, информировать...* [5 : 1088–1095], письма-отречения следует описывать отдельно от писем-заявлений, потому что все они имеют общую и очень узкую тему. Сами же авторы писем-отречений нередко употребляют в своих письмах глаголы из этого ряда, например, *заявлять, извещать* (стереотипное выражение официального действия – заявления), см. примеры (4), (5), (6):

(4) *Настоящим заявляем, что вся наша прошлая деятельность была преступной и бессмысленной перед рабоче-крестьянской властью Советов и ее руководительницей – ВКП (б). (П-20.09.1928).*

(5) *Поэтому и заявляю, что, будучи с 1920 г. рядовым членом московского союза анархистов и уже около года идеологически порвавши связь с ним, в настоящее время совершенно выхожу из такового... (И-06.02.1924).*

(6) *Настоящим письмом извещая всех активно интересующихся политической жизнью товарищей о выходе своем из левонароднического об'единения – партии левых соц.-рев. и союза с.-р. максималистов...(И-18.01.1923).*

Как уже отмечалось выше, в большинстве писем определяющее коммуникативное намерение «отречение» осложняется дополнительными иллокутивными целями, посмот-

рим, как это может быть выражено на уровне композиции.

Композиция

Текстовая структура писем-отречений очень сильно коррелирует с набором типовых интенций, представленных в рамках одного письма. Если в письме содержится только одна типовая интенция (сообщение о выходе из партии), то композиция такого письма предельно проста: отречение; причина отречения + стандартный набор компонентов структуры жанра «письмо в газету» (приветствие, просьба о публикации, разного рода этикетные формулы, обращенные к редактору газеты, подпись и др.). Это минимальный набор позиций в текстовой структуре писем данного поджанра, см. пример (7):

(7) [Приветственная этикетная формула →] *Уважаемый товарищ редактор!*

[Отречение →] *Настоящим письмом извещаю всех активно интересующихся политической жизнью товарищей о выходе своем из левонароднического объединения – партии левых соц.-рев. и союза с.-р. максималистов, [Причина отречения →] как организации, в силу своей программно-тактической половинчатости, не нужной для друзей и не страшной для врагов.*

Дальнейшее, даже формальное, пребывание в ней считаю несовместимым с революционным сознанием и предоставляю ей продолжать быть своим собственным могильщиком на кладбище бесславного теоретизирования.

[Подпись →] А. Адодин. (И–18.01.1923).

В письмах, где совмещено сразу несколько типовых интенций, текстовая структура имеет очень свободный характер. Вот как может выглядеть текстовая структура письма данного поджанра с максимальным набором позиций (не считая элементов обрамляющей структуры):

- отречение;
- причина отречения;
- признание / покаяние;
- сообщение о вступлении в РКП (б) (нередко в форме присяги или клятвы);
- агитация (призыв стать членом РКП (б)).

Приведем несколько писем, которые иллюстрируют заполнение перечисленных позиций, см. примеры (8) и (9):

(8) [Приветственная этикетная формула →] *Уважаемый тов. редактор!*

[Просьба о публикации →] *Прошу опубликовать в редактируемой вами газете нижеследующее мое заявление:*

[Агитация →] *Смертью Владимира Ильича нанесен тяжкий удар делу революции. Невозвратимую потерю можно компенсировать только объединением и сплочением всех революционных сил. Считая проявление максимальной энергии в борьбе за освобождение труда теперь более необходимым, чем когда бы то ни было, [Сообщение о вступлении в РКП (б) →] я, подавая заявление о вступлении в РКП, [Агитация →] призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии.*

[Подпись →] Б. анархо-синдикалист Н. Доленко (М. Чекерес).

22 января 1924 г. (И–21.02.1924).

(9) [Покаяние →] *Настоящим заявляем, что вся наша прошлая деятельность была преступной и бессмысленной перед рабоче-крестьянской властью Советов и ее руководительницей – ВКП (б). Наша работа антисоветского характера, анархистского оттенка, была использована как отрадное явление всем контрреволюционным мецанским лагерем. В чем мы искренне раскаиваемся. [Отречение + причина отречения →] А посему мы, бывшие анархисты, перед лицом власти Советов и ВКП (б) говорим, что впредь ничего общего с лицами, группами и организациями антисоветского уклона иметь не будем. И от деятельности анархистской, стоящей против проведения в жизнь законов диктатуры пролетариата под руководством ВКП (б), отказываемся.*

[Присяга →] *Одновременно заявляем о нашей солидарности с диктатурой пролетариата и о своей готовности принести максимальную пользу республике труда своими техническими трудами у станка, а в случае нападения империалистов будем готовы выступить вместе с революционной Красной армией и на военном фронте.*

[Подпись →] В. БУРЛАКОВ, Л. ЗИМИН, АМОСОВ и ТОРМОВКИН.
(П–20.09.1928).

Важной чертой писем-отречений является то, что многие из них написаны в очень эмоциональном тоне. Это особенно заметно в тех случаях, когда, помимо минимальной структуры, в письмах присутствует и другие компоненты. Повышенная эмоциональность проявляется не только в выборе лексических средств, но и в построении текста. Автор письма достаточно свободно обращается с композицией своих текстов, перечисленные позиции могут быть расположены в любом порядке. Именно поэтому в отношении к данному поджанру говорить нужно не о жестком порядке следования позиций, а скорее о наборе позиций, расположенных в тексте по усмотрению автора.

Когда выход из антисоветских партий стал принимать массовый характер (сразу после

смерти Ленина), каждое отдельное письмо перестали печатать в рубрике «Письмо в редакцию», а создали специальную рубрику «Заявления о выходе из антисоветских партий» («Правда», 1925 г.), где публиковали сразу по 5–10 подобных писем. Письма из этой рубрики уже менее разнообразны и по своей форме больше похожи на официальные заявления, их экспрессивная составляющая выражается исключительно штампами. Эти заявления приближаются по своей структуре к так называемым «жестким текстам», в которых строго закреплён набор и порядок следования позиций и есть лишь несколько переменных. В данном случае переменными являются: имя автора, название антисоветской партии и даты вступления и выхода из антисоветской партии. Приведем несколько писем из этой рубрики:

Настоящим заявляю, что с начала 1907 г. я состоял в РСДРП (м-ков), из которой вышел в середине 1918 г. и с тех пор никакой связи с ней не имею. П. Токарев. (П–03.02.1925).

С 1907 г. я состоял в меньшевистской организации. В настоящее время членом меньшевистской партии себя не считаю и ничего общего с ней не имею. Г. А. Комаров. (П–03.02.1925).

Членом РСДРП (м-ков) считаю себя с 1913 г. В начале революции я не мог себе уяснить и оценить деятельности меньшевиков. В процессе революции я убедился, что деятельность меньшевиков явно контрреволюционна и направлена против рабочих и крестьян. Заявляю, что членом партии меньшевиков больше себя не считаю и с нею ничего общего не имею. А. Рахманов. (П–03.02.1925).

Членом меньшевистской партии считаю себя с 1917 г. В процессе русской революции, а в особенности за последнее время, я убедился, что деятельность меньшевиков является явно контрреволюционной, а посему заявляю, что членом меньшевистской партии себя больше не считаю и ничего общего с ней не имею. А. Лихачев. (П–03.02.1925).

Я состоял в п. с.-р. с 1918 г., в настоящее время членом таковой я себя не считаю и с ней ничего общего не имею. Единственно правильной, выражающей интересы трудящихся, считаю РКП. С. Кондратьев. (П–06.02.1925).

Я, бывший член боевой организации с.-р. максималистов Сокольнического района, заявляю, что порываю всякую идейную связь с п. с.-р. Весь пройденный свой революционный путь в п. с.-р. считаю ошибкой. Единственной партией рабочих и крестьян считаю РКП. И. Васильев. (П–06.02.1925).

Позже в газетах совсем перестали публиковать отдельные письма-отречения: заявления о смене политических пристрастий стали оформляться в виде списков фамилий. Для этого в «Правде» примерно с 1928 года появилась рубрика «Выходы из антисоветских партий», в которой помещался текст следующего содержания:

Выходят из организации анархистов: Е. П. Волобуев, Н. Н. Тихонов (Череповец), В. М. Антонов (Москва) и из федерации анархической молодежи (ФАМ) Борис Кантемир (Москва). (П–05.02.1928).

Так, с течением времени, один жанр преобразовался в другой, совершенно отличный по структуре и языковому наполнению, хотя близкий к письмам-отречениям по интенции и тематике.

Тематическое содержание

Основной темой писем-отречений, как уже стало понятно из приведенных выше примеров, является изменившаяся политическая ситуация в стране и связанный с этим массовый переход из разных антисоветских партий в партию большевиков. Переоценка деятельности многочисленных партий (не считая большевистской), существовавших в то время, привела к тому, что их идеология стала трактоваться исключительно как вредоносная и «контрреволюционная». Именно поэтому авторы писем нередко сообщают некоторые факты о деятельности партии, из которой они выходят, и сопровождают их при этом резко негативной оценкой. Отчасти это делается, чтобы показать, что автор выходит из партии на некоторых логических основаниях, а не просто стремится себя обезопасить. Эти факты часто заполняют позицию «Причины отречения» в письмах рассматриваемого поджанра, см. пример (10):

(10) <...> Я состоял рядовым членом РСДРП (меньшевиков) севастьяпольской организации с 1915 по 1919 год. Вышел из организации [Причина отречения →] вследствие несогласия с тактикой партии, которая никогда не была руководительницей рабоче-крестьянских масс. После глубокой переоценки всех моментов революции, я пришел к убеждению, что тактика меньшевиков была выгодна только врагам трудящихся, что и видим на Западе из деятельности II Интернационала.

Отвратительна предательская деятельность германской социал-демократии на протяжении нескольких лет, которая отдала рабочий класс под власть Лютера сейчас и которая всячески прези-

рает революционный клочок земли – СССР <...>. (И–19.02.1925).

Помимо сопоставления партий в выгодном для большевиков свете, в письмах-отречениях автор может сообщать некоторые факты о себе. Это может быть как очень краткая заметка, как в примере (11), так и целый экскурс в автобиографию, как в примере (12).

(11) *Что касается современной русской действительности, изменившегося курса Советской политики в России, то я считаю, что в настоящее время вообще невозможно распространение идей анархизма, исходя из того, что трудовой класс России сейчас переживает психологическую реакцию, а также для себя, в виду сильно расстроенного, расшитанного здоровья и усталости. Поэтому заявляю перед всем общественным мнением вообще и перед всеми московскими рабочими в частности, а также перед всеми анархистскими организациями России, что я в настоящий момент не буду вести никакой политической и организационной работы как в массах, так и в организациях анархистов, в анархо-синдикалистском духе.* (И–30.09.1921).

(12) *С начала революции 1917 года я входил членом в социал-демократическую организацию «Единство» (плехановцев) и был председателем московского комитета. Во время Октябрьского переворота я активно боролся на стороне белых в отряде юнкеров, защищавших гостиницу «Метрополь» в Москве. С конца 1917 года по февраль 1918 года я состоял членом московского комитета защиты учредительного собрания и, наконец, с июля 1918 года был членом союза возрождения России, куда персонально входили правые эсеры, меньшевики, н.-с. и плехановцы. По поручению московской организации союза я с информационными целями ездил на юг, занятый белыми. В конце 1918 года я перешел на нелегальное положение и проживал под фамилией Денисова.*

Пройдя путь открытой контрреволюционной работы, торжество которой содействовало бы только воскрешению реакции, я осенью 1919 года, совершенно порвав с означенными организациями, безраздельно и целиком ушел в хозяйственную работу, сотрудничая с тех пор в разных хозяйственно производственных органах Союза республик и по мере своих сил способствуя экономическому возрождению страны <...>. (П–01.01.1927).

Как правило, автор в более или менее эмоциональной форме выражает свое сожаление о том, что когда-то состоял в антисоветской партии, кается в этом. Именно поэтому при анализе писем-отречений само собой напрашивается сравнение с таким религиозным (фидеистическим) жанром, как

покаяние или исповедь. Это касается, в первую очередь, писем с более сложной текстовой структурой и эмоциональным лексическим наполнением, см. в особенности примеры (9), (12), приведенные выше, и пример (13):

(13) *Сознание своей вины перед великим делом освобождения трудящихся настоятельно требует от меня выступить с публичным признанием. Я твердо верю, что предстоящий суд над П. С.-Р. откроет глаза трудящимся всего мира на ту печальную роль, которую она играла в процессе революции и тем самым облегчит переход в лагерь революции всех тех ее настоящих или бывших членов, которые почему-либо еще колеблются.*

Я считаю себя нравственно обязанным открыто признать:

1. *Что до середины апреля 1918 г. я, состоя членом П. С.-Р., принимал активное участие в ее военной организации.*

2. *Что покинул я ряды партии добровольно, ясно сознав для себя неприемлемость политики интервенции.*

3. *Что я глубоко благодарен Григорию Ивановичу Семенову за его разоблачения (с которыми я не решился выступить ранее, считая их морально невозможными). Эти разоблачения дали мне возможность, путем искреннего признания, нравственно искупить свою вину и раз навсегда порвать с П. С.-Р.*

4. *В дальнейшем я хочу, чтобы мне было дано умереть, защищая республику с оружием в руках, как подобает солдату Красной армии.*

Ст. инспектор при начальнике бронесил Р. – К. К. А. Келер. (П–12.04.1922).

Сравнение с исповедью может показаться парадоксальным, поскольку рассматриваемые письма, бытовавшие в атеистическом советском государстве, с точки зрения их тематического содержания, абсолютно антирелигиозны, однако два жанра роднит стремление авторов открыться, покаяться. Авторы писем чувствуют свою вину перед обществом и хотят (или даже ощущают потребность, ср.: *Я считаю себя нравственно обязанным открыто признать*) рассказать о своих действиях, чтобы снять с себя этим вину и показать, что они сожалеют о содеянном.

Показательно, что на роль адресата такого «покаяния» авторы рассматриваемых писем выбирают газеты. Это лишний раз подтверждает тот факт, что центральные газеты в Советской России воспринимались обществом как высшая инстанция и ориентир во всех отношениях, в том числе и в формировании представлений о нравственности, см. [6]. Кроме того, попадая на страницы газет, покаяние приобретает публичный характер и

становится более значимым в общественном отношении. Нужно сказать, что «публичное покаяние» или «публичная исповедь» – жанр вполне распространенный в советской действительности, где частное возводилось в ранг общественного и наоборот. В [7 : 42] даже вводится специальный термин для обозначения данного явления – «**советская самокритика**»: «... одной из неизменных особенностей советского идеологического дискурса является апология самокритики. <...> Важное отличие советской самокритики от христианской исповеди состоит в ее публичности: самокритикуемый адресуется к Партии, но предстает перед теми, кто ее в данном случае *ситуативно* представляет (в нашем случае – это газета – прим. наше. Е. Н.) <...>. Но религиозные аналогии оправданы при этом в принципиальном отношении: процедура исповеди и советской самокритики равно подразумевает убеждение в изначальной «греховности» исповедующегося».

Необходимо отметить, что смерть вождя революции В. И. Ленина в январе 1924 года повлекла за собой настоящий всплеск писем-отречений. Это событие стало, несомненно, спланированным фактором в деле становления партии, поскольку те, кто еще не примкнул к большевикам, поспешили это сделать как можно скорее. Основными причинами такого бума отречений, с одной стороны, стало стремление авторов писем обезопасить себя в условиях смены власти, с другой стороны, многие пытались избавиться таким образом от чувства вины, возникающего обычно после смерти близкого человека (в данном случае после смерти идейного лидера) – вины, связанной с тем, что испытывающий это чувство не сделал для него всего, что мог. Практически во всех письмах этого периода упоминается имя Ленина в сопровождении восторженных эпитетов и номинаций:

(14) *Прошу поместить нижеследующее мое заявление:*

«Смерть великого вождя-борца тов. Ленина побудила многих честных трудящихся теснее сплотиться вокруг его партии РКП, чтобы твердо держать и нести дальше то великое знамя борьбы за освобождение рабочего класса, которое завещал нам ныне усопший тов. Ленин. Нам, рядовым рабочим, состоящим в группах анархистов различных толков, не следовало бы и даже преступно расплываться и стоять в стороне от РКП в столь серьезный исторический момент, требующий наивысшего напряжения сил со стороны всех, кому дороги завоевания Октябрьской революции, тем более, что анархизм каких бы ни было направлений и течений, как показала жизнь, давно уже не занимает

рабочих умов и оставлен ими на прозябание. Поэтому и заявляю, что, будучи с 1920 г. рядовым членом московского союза анархистов и уже около года идеологически порвавши связь с ним, в настоящее время совершенно выхожу из такового и из'являю желание вступить в ряды партии Владимира Ильича». А. И. Касаткин. (И-06.02.1924).

Еще одной особенностью писем-отречений является легко вычленяемая во многих из них общая тональность прославления советской власти и большевистской партии. Прославление чаще всего представлено в письме в виде изречений в духе советских лозунгов и агитационных штампов (15), (16):

(15) *Формально числясь до настоящего времени членом партии левых эсеров (интернац.), я неизменно, по мере сил, возможности и умения, помогал близкой моему уму и сердцу, настоящей и истинной представительнице революционных трудящихся масс – Советской власти, лелея надежду на то, что рано или поздно партия левых эсеров, осознав больше чем преступную ошибку, покается и примется за настоящую революционную работу, на благо и счастье рабочих-крестьянских масс, шагая нога в ногу с единственной ныне подлинной революционной партией коммунистов! (И-04.04.1923).*

(16) *Считая проявление максимальной энергии в борьбе за освобождение труда теперь более необходимым, чем когда бы то ни было, я, подавая заявление о вступлении в РКП, призываю всех товарищей анархистов, искренно дорожащих делом революции, также встать под знамена российской коммунистической партии. (И-21.02.1924).*

При этом для писем данного поджанра прославление не всегда выделяется в отдельную единицу композиции, поскольку его элементы бавают рассыпаны по тексту и создают таким образом общий фон письма. Это, кстати, тоже роднит письма-отречения с исповедью – ведь кающийся тоже может сослаться на то, что теперь понял величие Бога, пришёл к Богу. В письмах-отречениях прославление советской власти практически всегда сопровождается осуждающими высказываниями в адрес той партии, из которой выходит автор письма. Этот риторический ход дает эффект антитезы: осуждение одного объекта несомненно усиливает положительную оценку противопоставляемого ему объекта. Антитеза является, пожалуй, одним из основополагающих приемов в советской риторике вообще: вся советская действительность построена на противопоставлении «своих» и «чужих», революционного и контрреволюционного, советского и антисоветского; советская пропаганда не

представима без оскорбления многочисленных внешних и внутренних врагов советского народа [7 : 58–63].

Языковые особенности

Практически все тексты советской эпохи, в которых содержится отрицательная оценка кого-нибудь или чего-нибудь, насыщены инвективами. Эта общая агрессивная тональность советского дискурса неоднократно отмечалась исследователями, см., например, [8]. Письма рассматриваемого поджанра не исключение. Как уже было сказано, отрицательная оценка в письмах-отречениях обращена к антисоветским партиям, из которых выходят авторы. Для выражения отрицательной оценки авторы писем используют самые разнообразные средства, это и отдельные эмоциональные номинации, эпитеты (17), и метафорические выражения, претендующие на высокий стиль (18), (19), (20), и фразеологизмы, и поговорки (20), и отсылки к прецедентным текстам (как в случае с Пилатом в примере (20)):

(17) *Свое заблуждение я мог заметить только тогда, когда увидел предательскую работу этой партии в дружбе с палачами Колчаком и Миллером.* (П–28.08.1920).

(18) *Дальнейшее, даже формальное, пребывание в ней [партии левых соц.-рев.] считаю несовместимым с революционным сознанием и предоставляю ей продолжать быть своим собственным могильщиком на кладбище бесславного теоретизирования.* (И–18.01.1923).

(19) *Я обращаюсь к товарищам, которые еще не переоценили своих убеждений, переоценить их, и тем самым залечить свои раны.* (И–19.02.1925).

(20) *Что им до настоящего революционного под'ема и вместе с тем до великих лишений и страданий международных рабоче-крестьян. масс, которых левая «революционная» партия боится, как чорт ладана. Блудливой кошке должно быть не до раскаяния, да и что ей за дело до всего революционного! Ведь, в худшем случае она подобно Пилату в нужное время умоет лишь руки. Горбатого могила исправит.* (И–04.04.1923).

Средства, выбранные в письме для выражения отрицательной оценки, в полной мере отражают творческую натуру авторов писем. Есть письма, где, как в примере (21), автор выбирает сдержанный деловой стиль и вообще обходится без оценочных суждений.

(21) *Будучи членом РСДРП (меньшевиков) с 1913 г. в виду коренных расхождений с программой и тактикой РСДРП меньшевиков, я порвал с последней всякие сношения и вышел из ее состава в конце 1919 г., примкнув с тех пор всецело к платформе Рос. Комм. Парт. (бол.). Работаю в госучреждениях с момента возникновения советской власти. С. Борисов. (П–05.09.1924).*

При этом, как мы увидели, есть и такие, см. пример (20), текст которых буквально перенасыщен самыми разнообразными метафорами, фразеологизмами и инвективами. Примечательно, что при всей шаблонности языка советской эпохи, в нем все же есть место для творчества, и проявляется оно именно в выражении негативного.

Выводы

Выше мы рассмотрели один из поджанров писем читателей в газеты письма-отречения. Как нам удалось выяснить, основными жанровыми характеристиками писем-отречений являются:

1) Типовая интенция: нередко в рамках одного письма совмещаются сразу четыре типовых интенции: отречение, покаяние, присяга, агитация;

2) Композиция: письма с несколькими интенциями имеют гибкую структуру, которая полностью коррелирует с набором представленных интенций. Со временем письма-отречения обнаруживают тенденцию к закреплению формы.

3) Тематическое содержание: в письмах приводятся факты о деятельности партии, из которой выходит автор, а также некоторые подробности из его биографии.

4) Языковые особенности: при описании небольшевистских партий широко используются метафорические средства языка и даже инвективы. Основным риторическим приемом, используемым авторами писем для сравнения небольшевистских партий с РКП (б), является антитеза.

Письма-отречения в полной мере отражают специфику социально-политической ситуации, сложившейся в послереволюционной России. Именно с писем-отречений началось формирование знакового для советского дискурса жанра покаяния.

Обилие писем-отречений на страницах центральных советских газет свидетельствует о том, что роль газеты в советском обществе была крайне велика. Центральные газеты в СССР воспринимались читателями не только как инстанции, наделенные опре-

деленной властью, в которые можно было пожаловаться и получить в ответ действенную реакцию, но и как ориентир для читателя в самых разных вопросах, в том числе и в вопросах нравственности. Именно поэтому на страницах советских газет считалось уместным отречься и каяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никишина Е. А.* Речевой жанр писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
3. *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99–111.
4. *Гиндин С. И.* Речевые жанры и языковое сознание // Языковое сознание : Тез. IX всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая–2 июня 1988 г. М. : Изд-во Института языкознания АН СССР, 1988. С. 41–42.
5. *Гловинская М. Я.* Словарная статья : сообщать 1, информировать, извещать, уведомлять, осведомлять, докладывать 2, доносить 2, заявлять 1, объявлять 1, оповещать, предупреждать 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. С. 1088–1095.
6. *Revuz Ch.* Ivan Ivanovitch écrit à La Pravda. Paris: Editions sociales, 1980.
7. *Богданов К. А.* Vox populi : Фольклорные жанры советской культуры М. : Нов. лит. обозр., 2009. 368 с.
8. *Селищев А. М.* Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М. : Языки славянской культуры, 2003. 632 с.

REFERENCES

1. *Nikishina E. A.* *Rechevoy zhanr pisem chitateley v gazety (na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh gg. XX v.)* [The speech genre of readers' letters to newspapers (based on the data of emigrant and Soviet newspapers in 1920ths. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013.
2. *Bakhtin M. M.* Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. 2 ed. Moscow, 1986, pp. 250–296.
3. *Wierzbicka A.* Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 99–111.
4. *Gindin S. I.* Rechevye zhanry i yazykovoe soznanie [Speech genres and linguistic consciousness]. *Tezisy IX vsesoyuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii «Yazykovoe soznanie»* [Abstracts of the 9th symposium in psycholinguistics and communication theory «Language consciousness»]. Moscow, May 30–June 2, 1988, pp. 41–42.
5. *Glovinskaya M. Ya.* Slovarnaya stat'ya: soobshchat' 1, informirovat', izveshchat', uvedomlyat', osvedomlyat', dokladyvat' 2, donosit' 2, zayavlyat' 1, ob'yavlyat' 1, opoveshchat', preduprezhdat' 2 [Dictionary entry: soobshchat' 1, informirovat', izveshchat', uvedomlyat', osvedomlyat', dokladyvat' 2, donosit' 2, zayavlyat' 1, ob'yavlyat' 1, opoveshchat', preduprezhdat' 2]. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Ed. Yu. D. Апресян. Moscow; Vienna, 2004, pp. 1088–1095.
6. *Revuz Ch.* *Ivan Ivanovitch écrit à La Pravda.* Paris: Editions sociales, 1980.
7. *Bogdanov K. A.* *Vox populi : Fol'klornye zhanry sovetskoy kul'tury* [Vox populi: Folklore genres of the Soviet culture]. Moscow, 2009. 368 p.
8. *Selishchev A. M.* *Trudy po russkomu yazyku. T. 1. Yazyk i obshchestvo / sost. B. A. Uspenskiy, O. V. Nikitin* [Studies on the Russian language. Vol. 1. Language and society]. Moscow, 2003. 632 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике